

**«КОГДА БЫ ЖИЗНЬ ДОМАШНИМ КРУГОМ»
В УСЛОВНЫХ РАССУЖДЕНИЯХ ФРЕГЕВСКИХ БЕЗУМЦЕВ
И ЛОГИЧЕСКИХ ШТРАФНИКОВ**

Е. Н. Лисанюк^{1, 2}

¹ Институт философии Российской академии наук,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12 стр. 1

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 15.12.2023 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8

Обосновано положение о том, что необходимым условием спора об истине выступает не наличие носителей неидеальной логической мысли, а многообразие подходов к реконструкции логической формы условных рассуждений, предполагающее диверсификацию способов решения логических задач. Актуальность исследования продиктована дискуссиями о логических чужаках – фантастических безумцах, в которых Фреге воплотил свою идею невозможности отрицать необходимый характер логических законов в познании истины, в контексте расширения спектра формально-логических инструментов моделирования аргументации и рассуждений. Опираясь на современные исследования условных рассуждений, на примере условного рассуждения Онегина из письма Татьяне мы показываем, что существуют разные, включая конкурирующие между собой, способы его реконструкции. В духе Фреге мы конструируем понятие логических штрафников – неидеальных мыслителей нашего «домашнего круга», которые вследствие ограниченных интеллектуальных ресурсов подчас довольствуются не наилучшими результатами в рассуждениях и оказываются единственными участниками спора об истине в силу невозможности такого спора с идеальными мыслителями или логическими чужаками. Понятие логических штрафников позволяет иллюстрировать положение о том, что условием возможности спора об истине являются не различия во взглядах людей, а многообразие способов их обоснования.

Ключевые слова: *кондиционалы, логические законы, триада Фреге, демонстративные, вероятностные и немонотонные рассуждения, ошибки рассуждений*

1. Введение

«Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел... я, верно б, вас одну избрал», – таким условным рассуждением Евгений Онегин стремится убедить Татьяну Ларину, героиню романа «Евгений Онегин» Александра Сергеевича Пушкина, в том, что он не отвечает взаимностью на ее романтические чувства не потому, что она не понравилась ему, как расценивает это Татьяна, но потому что это означало бы вступить в брак, а он «не создан для блаженства» семейного счастья (Пушкин 1960, с. 79).

Рассуждение Онегина является условным, потому что одним из его элементов выступает условное предложение — кондиционал вида

Ѓ Если *A*, то *C*.

Условные рассуждения обычно состоят из хотя бы одного Ѓ, взятого вместе с утверждением или отрицанием его антецедента *A* или консеквента *C*. Это едва ли не самые распространенные фигуры умозаключений¹, напоминающие форму правила вообще. Дискуссии о логическом понимании предложений вида Ѓ и логической форме условных умозаключений начались еще в древности (Стяжкин, 1967). В XX веке они послужили источником становления ряда направлений в современной логике, включая расширения пропозициональной логики, немонотонную и вероятностную логику.

Условное рассуждение Онегина можно толковать по-разному в русле того, как в этих направлениях решают логическую задачу установления истинности заключения на основе истинности посылок. Читатель может понять его в смысле демонстративного умозаключения — условно-категорического силлогизма *modus tollens* (MT), выступающего одним из основных правил умозаключений в пропозициональной логике:

- (1) 1.1. Если девушка нравится юноше, он ей не отказывает.
- 1.2. Онегин отказывает Татьяне.
- 1.3. [Значит,] Татьяна не нравится Онегину.

Вслед за Татьяной можно в смысле недемонстративного немонотонного рассуждения истолковать отказ Онегина в качестве признака, подтверждающего ее предположение о прогностической связи отказа с отсутствием романтических чувств:

- (2) 2.1. Если девушка не нравится юноше, он ей откажет.
- 2.2. Онегин отказывает Татьяне.
- 2.3. [Значит,] Татьяна не нравится Онегину.

И наконец, вместе с Евгением, предъявляющим сложное вероятностное умозаключение с контрфактическим условием в посылках, можно трактовать его в пробабилистском смысле как нацеленное выяснить условную вероятность истинности заключения:

- (3) 3.1. [Татьяна нравится Онегину].
- 3.2. [Поэтому] если бы Онегин желал семейной жизни, то не отказал бы ей.
- 3.3. [Но] раз Онегин не желает семейной жизни, то отказывает ей.

Реконструкции (1)–(3) условного рассуждения Онегина не исключают иных версий. Назовем версии (1)–(3) для удобства демонстративной, гипотетической и вероятностной соответственно, по аналогии с видами умозаключений. Персонификация (1)–(3) как принадлежащих читателю, Татьяне и Онегину продиктована удобством изложения, и автором их всех можно назвать А. С. Пушкина или читателя.

¹ Мы отвлекаемся от случаев, когда лингвистическая форма предложения со связкой *если... то* выражает отношения между его частями, отличные от обусловленности, вроде: *Если Онегин в деревне скучал, то Ленский наслаждался*.

Разночтения читателя, Татьяны и Онегина в понимании условного рассуждения последнего подразумевают реконструкции его логического строения в терминах разных логических теорий и ведут к несовместимым результатам оценки истинностного значения предложений 1.3, 2.3 и 3.1, выполняющих неодинаковые функции в рамках решения одной и той же логической задачи. Предложение 3.1 — это посылка вероятностного рассуждения Онегина, и, по его мнению, это истинное предложение, выступающее условием (задачи) для оценки степени вероятности того, что 3.3 истинно. Несмотря на то что противоположные 3.1 предложения 1.3 и 2.3 оба истинные, их истинность имеет разный статус. Демонстративную истинность 1.3 читатель по логическому правилу дедуцирует из истинности посылок — предложений, описывающих факты отказа 1.2 и обусловленности отсутствия отказа романтической привязанностью 1.1. К гипотетической, или абдуктивной, истинности 2.3. Татьяна приходит, расценив факт отказа Онегина 2.2 как признак, подтверждающий ее гипотезу 2.1.

Если смотреть широко на способы решения логической задачи по установлению истинности какого-либо предложения, включая в него все три упомянутые выше, то для рассуждения Онегина не существует единственно верной реконструкции. Вместе с тем если вслед за Готтлобом Фреге эту задачу сводить исключительно к формальному выведению истинности заключения из истинности посылок, то единственно верной реконструкцией будет (1), а (2) и (3) окажутся заблуждениями — примерами того, как установление истины путают с эвристиками содержательного изучения конкретных истин наподобие того, как разные науки стремятся к овладению своими предметными истинами. В отличие от них лишь логика раскрывает смысл слова «истинно» (Фреге, 2000а, с. 288), изучая формы движения мысли к ней — «законы логики как законы, которые предписывают способ, каковым должно думать, как законы истины». Когда в поисках истины вместо того, чтобы следовать законам логики, ошибочно полагаются на «естественные законы того, что человеческие существа полагают истиной», принимая эвристики за логику, это нередко приводит «к противоположным результатам даже на практике», к которым Фреге отнес бы толкования рассуждения Онегина в духе (2) или (3). Если бы были обнаружены люди, следующие подобной логике, это указало бы на «неизвестную доселе разновидность безумия» (Frege, 1964, р. XIV). Поскольку осмысление истины — дело исключительно логики, постольку в спорах об истине Фреге отвел ей роль арбитра, а метафорой безумцев иллюстрировал невозможность отрицать тезис о необходимости логических законов, выдвинутый задолго до него.

Замечательное многообразие логических систем, разработанное к началу XXI века, привело к расширению спектра формальных инструментов моделирования рассуждений, способных приводить к результатам их анализа, подчас несовместимым между собой. Эта несовместимость коренится не в альтернативном толковании постулатов логики (Прист, 2022), а в том, что логические теории — это теории онтологиче-

ских и эпистемических допущений, которыми они и отличаются между собой, но они не предназначены быть универсальными инструментами для анализа рассуждений и аргументации в любой области знания, хотя широко для этого применяются (Шалак, 2022, с. 95). Фрегевская персонификация отрицания тезиса о необходимости логических законов в метафоре фантастических носителей альтернативной логики, исключив их существование, актуализировала вопрос об участниках спора об истине. Фрегевские безумцы либо невозможны, либо из-за своей альтернативной логики находятся вне юрисдикции логики во фрегевском смысле. Между идеальными логическими мыслителями спор об истине тоже невозможен в силу избыточности, о чем сигнализирует проблема логического всеведения. Единственными кандидатами на участие в спорах об истине оказываются логические штрафники — подверженные когнитивным искажениям и прочим ошибкам неидеальные мыслители нашего домашнего круга с ограниченными ресурсами внимания и памяти (Саймон, 1993). Мы называем их штрафниками из-за эпистемического урона (потенциального) снижения качества знания, и логическими в силу его причин — логических ошибок и других заблуждений, связанных с их готовностью в интеллектуальном познании истины полагаться не только на логические законы, но и на другие правила рассуждений, подчас не наилучшие.

В прагма-коммуникативном аспекте логические штрафники способны реконструировать рассуждение Онегина в версии (1), которой придерживались бы все до одного идеальные фрегевские мыслители, что исключило бы возможность его обсуждения, но также и в версиях (2) или (3), что, наоборот, открывает перспективу для дискуссий и выступает условием возможности дискуссии об альтернативной логике фрегевских безумцев, как будет показано в п. 2. В п. 3 будет рассмотрен прагма-семантический аспект расхождения во мнениях на примере реконструкции условных рассуждений. Синтаксическая и семантическая неопределенность естественного языка подразумевает возможность осуществлять такие реконструкции средствами разных логических систем, как в (1), (2) и (3). Обсудив оба аспекта в качестве условий споров об истине, в заключении мы приходим к выводу о том, что к их условиям относится диверсификация в реконструкции логической формы рассуждений, но не персонификация его участников в логических штрафниках, как и остающихся вне его — во фрегевских безумцах или идеальных мыслителях.

2. Фрегевские безумцы и логические штрафники

В этом разделе мы рассмотрим особенности фрегевских логических безумцев и выясним, почему их обсуждение подразумевает логических штрафников.

Метафорой безумцев Фреге иллюстрировал три аспекта нацеленности логики на решение задачи осмысления истины — особого онтологического объекта, отличного от мира вещей или представлений лю-

дей. Все три аспекта нашли выражение в особенностях, которыми он наделил безумцев: они приходят к нелепым результатам рассуждений, противоположным полученным по законам логики, вследствие своей альтернативной логики, используемой ими для установления истинности предложений.

Первый аспект фреговской метафоры — это антипсихологизм в логике. Психологи́сты допускали, что законы мышления у разных людей могут быть разными, потому что явным образом различаются содержания их мыслей. Фреге возражал против того, чтобы последнее различие содержаний мыслей людей отождествлять с логическими значениями предложений, посредством которых они выражены. «Может ли в этом случае смысл моей теоремы Пифагора быть истинным, а его — ложным?» (Фреге, 2000в, с. 334). Расхождения во мнениях между людьми по разным вопросам, включая нелепые результаты рассуждений, служат необходимым условием для возникновения споров. Необходимую опору для их разрешения Фреге видел в логических законах, в отсутствие которой споры об истине невозможны: ведь если каждый признавал бы только свое мнение, не признавая мнений других, то знания сделались бы сугубо субъективными и невозможны были бы ни наука, ни конфликт мнений в силу отсутствия общего основания взаимопонимания.

Абсурдность идеи альтернативной логики в качестве конкурирующей формальной выводимости — это второй аспект метафоры, связанный со второй особенностью фреговских безумцев. Он иллюстрирует безальтернативность нацеленности логических законов на раскрытие смысла слова «истинно», а не самих логических законов, позволяющих в формальном смысле по-разному выводить истинность одних предложений из других, например средствами пропозициональной логики, силлогистики или модальной логики.

С этим аспектом связано появление современного термина «логические чужаки» для указания на фреговских безумцев. Джеймс Конант, излагая различные теоретические основания, в силу которых тезиса о необходимом характере логических законов придерживались многие философы, назвал его отрицание «логически чуждой мыслью» (*logically alien thought*) (Conant, 1991). Фреговская метафора открыла новую страницу обсуждения этого тезиса, воплотив невозможность его отрицания в носителей мысли. Этим она не только исключила возможность существования разумных носителей такой безумной мысли, которые полагались бы на заведомо не ведущие к истине альтернативные логические законы, но и отграничила от них авторов нелепых результатов, поместив внутри домашнего круга рассуждающих, которые порой сбиваются на пути к ней.

Вторая особенность логических чужаков подразумевает, что их первичным признаком являются нелепые результаты, потому что вряд ли станут искать альтернативную логику в рассуждениях, заключения которых совпадают с полученными по имеющимся логическим правилам. Так или иначе для выяснения этого с кандидатами в чужаки потребуется вступить в дискуссию о способах получения нелепых результатов, чтобы выяснить, являются ли их источником вкравшиеся ошибки, аль-

тернативная логика или что-то еще. В первом случае речь идет о логических штрафниках, зачисление которых в логических чужаков делает невозможным исправление заблуждений. Этот случай видится рутинным путем проб и ошибок в познании истины. С выявлением прочих источников нелепых результатов возникают затруднения.

Об одном из них сигнализирует третий аспект метафоры, указывающий на бесцельность спора об истине с безумцами не из-за того, что какие-то истины недоступны их уму, но потому, что истинность мысли, по Фреге, не рождается в результате ее открытия теми, кто ее мыслит, а может стать лишь результатом ее постижения через умозаключение по логическим законам (Фреге, 2000в, с. 338). С фрегевскими безумцами спор об истине невозможен также и вследствие невозможности выразить логически чуждую мысль в языке, потому что «все, что лежит по ту сторону границы, будет просто лишено смысла», настаивал Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (Витгенштейн, 2005, с. 14). С этим же аспектом связана третья особенность фрегевских безумцев, состоящая в том, что нелепые результаты их рассуждений выступают симптомом альтернативной логики лишь в решении логических задач установления истины, когда за логические законы принимают эвристики, или неформальные приемы рассуждений, хорошо рекомендовавшие себя в поиске предметных истин в разных науках. Однако вне спора об истине с авторами нелепых результатов невозможно выяснить, какую задачу они решали — логическую или нет.

Важный вклад в то, чтобы не перепутать логически своих штрафников с логическими чужаками, внесла триада Фреге, добавившая инстанцию смысла в двухэлементную семантическую модель «знак — значение», и представившая логические законы способами данности смысла истины в референциальном понимании. Фреге считал различие в способах данности значения не менее существенным, чем соответствие между знаком и значением, в установлении которого видела истину двухэлементная модель, фундирующая классическую корреспондентную концепцию истинности. Триада Фреге позволила провести границу между осмыслением истины в логике посредством логических законов и изучением конкретных истин разными науками, ведь различие в способах данности «может иметь место лишь тогда, когда различие знаков соответствует различию в том, каким способом задано обозначаемое» (Фреге, 2000б, с. 230).

Триада позволяет понять, почему распространенность логических ошибок и прочих недочетов в рассуждениях, сигнализирующих о нарушении каких-либо правил, не делает эти нарушения способами данности логических законов истины и едва ли может служить надежной границей между безумцами и штрафниками. В двузначной семантической модели каждая ошибка — случайное отклонение на пути к истине, происходящее от незнания чего-либо, так что обнаружение ошибки вне (знания) нарушаемого ею правила исключено. Людям свойственно устранять ошибки после того, как им разъяснят правильный ход мысли, поэтому нет причин считать умение их исправлять ме-

нее значимой когнитивной реальностью по сравнению с первоначальными заблуждениями (Бентем, 2011). Триада Фреге сыграла важную роль в понимании эвристических, «сводящих сложную задачу оценки вероятности суждения и прогноза значений к более простым операциям суждений. Часто эти эвристические методы приносят пользу, но иногда ведут к грубым и систематическим ошибкам» (Канеман, Тверски, 2020, с. 548), устранимым при помощи логики или вычислений, для которых существуют строгие критерии правильности. Воспользоваться эвристикой в ситуации затруднения с определением типа задачи или приемов ее решения — такой подход часто оказывается лучшим решением и находит выражение в житейских правилах вроде «лучше меньше, да лучше» (Gigerenzer, Gaissmaier, 2011).

Таким образом, нелепые результаты рассуждений как первичный симптом фрегевских безумцев могут говорить о трех вещах: об альтернативной логике, и тогда речь идет о безумцах, а также, что случается едва ли не с каждым мыслителем, за исключением идеальных и безумцев, — об ошибке в рассуждениях или о различии в понимании смысла самой задачи. Ошибки рассуждений не являются способами данности логических правил, нарушениями которых они выступают. Для того чтобы ответить на вопрос об источнике данной нелепости, с кандидатами в безумцы придется вступить в спор об истине, что подразумевает признание их не безумцами, а логическими штрафниками, с учетом того, что с логическими чужаками такой спор невозможен.

3. Условное предложение и условные рассуждения

В этом разделе мы обсудим подходы к пониманию условного предложения, влияющие на оценку условного рассуждения, и покажем, что различные реконструкции логического строения таких рассуждений возможны независимо от того, кто является их автором.

Существует три основных трактовки K , нашедшие выражение в реконструкциях (1)–(3) рассуждения Онегина. В дескриптивной трактовке K — это описательное предложение в индикативном наклонении. Две другие трактовки представляют K недескриптивно в сослагательном наклонении или как осуществление какого-либо речевого действия в диалоге. В первом случае K выражает мысль о наличии ситуации обусловленности, обладающую логическим значением в том же смысле, в каком предложение 1.2 *Онегин отказывает Татьяне* описывает этот факт и по сюжету романа является истинным, а его отрицание — ложным. Истинность K в таком прочтении выражают истинностной функцией материальной импликации $A \rightarrow C$, которая является наиболее простым способом выражения условной связи, однако не передает смысл причинной связи, подразумеваемой в слове «если», как подмечал Фреге (2000а, с. 72). Для того чтобы выразить такую связь, в XX веке были предложены формальные экспликации K в недескриптивной трактовке, включая такие, как в (2) или (3).

В сослагательном прочтении Ѕ характеризует вероятность C при условии A , в духе теста Рамсея (Рамсей, 2003, с. 193): если в предложении *Если A , то C* двое сомневаются по поводу C , то они гипотетически добавляют A к корпусу своих взглядов и в связи с этим спорят о C , так что в этом смысле *Если A , то C* и *Если A , то не- C* образуют противоречие, и можно сказать, что они вносят поправки в степень своей уверенности в C при условии A . Такое прочтение Ѕ можно сформулировать и без обращения к вероятностным терминам при помощи семантики возможных миров или пересмотра убеждений соответственно: Ѕ истинно в возможном мире W_i , в котором истинно C , если и только если в W_i истинно A , и W_i минимально отличается от действительного мира W_0 , что устанавливается при помощи специальной функции выбора (Stalnaker, 1970); Ѕ принимается относительно корпуса мнений K , если и только если наименьшее изменение K , необходимое для того, чтобы принять A , требует также и принятия C (Gärdenfors, 1986).

Выбор моделей интерпретации условной посылки может быть продиктован индикативной или сослагательной трактовкой Ѕ . В первом случае рассуждающие будут придерживаться моделей A и C , $\neg A$ и $\neg C$, или $\neg A$ и C , отбрасывая A и $\neg C$. Во втором случае из четырех моделей рассуждающие отбрасывают две как непригодные. Если стоит задача оценить C при условии A , как в (3), то для ее решения рассматривают обе модели с истинным A , отбросив как непригодные по условию задачи обе модели с $\neg A$; а если условием выступает $\neg A$, как в (2), то, наоборот, потребуется рассмотреть обе модели с $\neg A$, отбросив обе модели с A .

Реконструкция (2), подразумевающая, как и (3), недескриптивную трактовку Ѕ , может быть понята в прагматическом ключе как допущение, выражающее некую степень уверенности автора в наличии корреляции между A и C , наподобие того, как 2.1 толкует Татьяна, что, в свою очередь, можно понимать как гипотезу о причинной связи A и C , или как приглашение адресатам считать Ѕ истинным в качестве условия задачи.

Как видим, разное понимание условного предложения вида Ѕ ведет к различиям в его использовании в условных рассуждениях и к неодинаковым результатам решения задачи установления истинности заключения. Исследования условных рассуждений в XX веке выявили несколько причин того, что вариативность толкования их логического строения и словесного выражения ставит под вопрос их оценку на соответствие логическим правилам.

Первую из них можно назвать эвристической. Эксперименты по решению задач выбора (selection task) (Wason, 1968) и подавления (suppression task) (Byrne, 1989), в которых испытуемым предлагали строить условные рассуждения на основе обновляемой информации в посылках, показали, что знание логических правил не гарантирует получения верного ответа на вопрос об истинности заключения из посылок вида Ѕ . Ученые предложили тому три различных объяснения, связанных с разным прочтением Ѕ . Первое состоит в важной роли ментальных моделей интерпретации посылок (Johnson-Laird, Byrne, 2002), которые являются порождениями ума, но не относятся к числу того,

что люди обычно осознают (Lakoff, Johnson, 1999). Конкурирующее объяснение дают последователи пробабилистской, или предположительной, концепции (suppositional theory) условных рассуждений (Evans et al., 2005), толкующие их в качестве умозаключений о степени вероятности заключения на основе допущения об истинности посылок.

Дискуссия между сторонниками этих двух концепций высветила отсутствие весомых оснований предпочесть одну из них, разве что применительно к решению тех или иных конкретных задач (Stilgenbauer, Baratgin, 2019), на что неявным образом указывает третье объяснение — вариативность определения типа предлагаемой задачи с точки зрения возможности ее решить на основе доступных ресурсов (Floridi, 2017). «Выявление логической формы — это изобретательская, дизайнёрская, инженерная деятельность, использующая ограниченный набор инструментов и ориентированная на определенные цели» (Драгаллина-Черная, 2015, с. 126).

Второй причиной выступает проблема Фреге — Гича (Geach, 1965), в соответствии с которой посылки и заключение условного рассуждения могут пониматься неодинаково. Разночтения толкований авторов и адресатов ведут к тому, что приемлемые рассуждения в понимании одних выглядят нелепыми или ошибочными в понимании других, как в примерах (1), (2) и (3). Похожим образом, в экспериментах Питера Уейсона и Рут Бёрн неверные рассуждения испытуемых, не сумевших построить умозаключения по МТ, подразумевали толкование \mathcal{J} как индикативного предложения, описывающего ситуацию обусловливания, как в (1). Однако ответы испытуемых можно было бы посчитать приемлемыми, если бы они распознали в \mathcal{J} не индикативное, а сослагательное предложение, и, решая задачу оценки условной вероятности истинности заключения с учетом предложенных посылок, как Онегин в (3), отбросили бы как непригодные версии с ложным A в духе теста Рамсея, то есть приняли бы истинность A как условие задачи, которого надлежит придерживаться. В этом же ключе можно толковать отказ испытуемых выводить заключение из посылок, которые экспериментаторы предложили считать истинными в качестве условия логической задачи, понятой испытуемыми в качестве задачи на проверку их эмпирических знаний (Лурия, 1982).

Третья причина носит прагматический характер и заключается в эффекте условного усовершенствования (conditional perfection) (Geis, Zwicky, 1971), когда достаточное условие в антецеденте толкуют как необходимое и достаточное, отбрасывая модели интерпретации \mathcal{J} с ложным A как непригодные. С одной стороны, уточнение сведений в посылках в ходе эксперимента, подразумевающее, что первоначальные сведения были неполными, способно подтолкнуть адресата к условному усовершенствованию услышанного в духе грайсовой коммуникативной максимы количества (Грайс, 1985) в предположении, что говорящий \mathcal{J} не является недоинформативным и в A сообщает необходимое и достаточное условие для C (Geurts, 2010). С другой стороны,

ограничением для эффекта условного усовершенствования выступают сужающие спектр толкований лингвомаркеры достоверности, вроде *раз* вместо *если* (Zevakhina, 2022), как в 3.3.

Наконец, четвертую причину можно назвать деперсонифицирующей. Поскольку условная форма рассуждения напоминает форму (применения) правила вообще, постольку всякому рассуждению можно придать «достойный вид, сообщаемый дедуктивно корректной формой» условного умозаключения (Фогелин, 2021, с. 276) вроде (1), сообразно с которым логическим штрафникам нетрудно реконструировать (2) и (3). Это позволяет санкционировать выведение заключения из практически любого предложения вида \mathcal{K} , делая рассуждение «слепым, но непорочным» (Boghossian, Williamson, 2003), вследствие чего толковать любое рассуждение можно и как выполнение некоего правила, и как его нарушение, подмечает в обнаруженном им парадоксе следования правилу Людвиг Витгенштейн (1994). Вместе с тем это делает избыточным рассмотрение вклада рассуждающих в интерпретацию, потому что к необходимым элементам интерпретации относится не разграничение между ее объектом и субъектом с точки зрения ипостаси автора или адресата, а возможность замещения одних мысленных знаков другими, уже артикулированными и оформленными (Золян, 2023, с. 101), как это происходит в логических системах, где одни формализмы — формально-семантические модели — используют для интерпретации других формализмов — формально-синтаксических построений в логических исчислениях.

4. Заключение

Мы рассмотрели понятие логических штрафников, образованное по аналогии с тем, как Фреге воплотил в фантастических безумцев, на современный лад называемых логическими чужаками, свою идею невозможности отрицать необходимый характер логических законов в познании истины. Логические штрафники — это неидеальные мыслители. Им приходится смириться с эпистемическим уроном, возникающим не столько из-за ошибок, порой закрадывающихся в их умопостроения, сколько вследствие ограниченных интеллектуальных ресурсов, из-за которых они подчас вынуждены довольствоваться не наилучшими результатами рассуждений. В отличие от них идеальные мыслители всегда руководствуются логическими законами и получают наилучшие результаты, а нелепые результаты фрегевских безумцев невозможно оценить, потому что они основаны на их альтернативной логике. Однако нелепые результаты рассуждений могут свидетельствовать не только о ней, но и об ошибках рассуждений, а также о различиях в понимании смысла самой задачи, как показали экспериментальные исследования условных рассуждений. Для ответа на вопрос о способе решения задачи с кандидатами в безумцы придется вступить в спор об истине, а это означает признать их логическими штрафниками, а не безумцами, с которыми, как и с идеальными мыслителями, такой спор невозможен.

Фреге назначил логику арбитром в споре об истине, однако участниками такого спора оказывается лишь «домашний круг» логических штрафников. На примере реконструкции условного рассуждения Онегина мы показали, что условием возможности спора об истине выступает не наличие носителей неидеальной логической мысли или интеллектуальных ограничений, а многообразие подходов к реконструкции логической формы условных рассуждений, предполагающее диверсификацию способов решения логических задач.

Благодарности. Исследования Е. Н. Лисанюк поддержаны РФФ, проект №23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемый в НИУ ВШЭ.

Е. Н. Лисанюк признательна В. Г. Денисовой за полезные замечания к предыдущей версии статьи.

Список литературы

- Бентем Й. ван. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии. 2011. №12. С. 67–84.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избр. работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М., 2005. С. 14–228.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217–237.
- Драгалина-Черная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб., 2015.
- Золян С. Т. Прагматика как само-порождение самого-по-себе-субъекта // Вопросы философии. 2023. №7. С. 93–103. doi: 10.21146/0042-8744-2023-7-93-103.
- Канеман Д., Тверски А. Суждения в условиях неопределенности: эвристические методы и ошибки // Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2020. С. 548–571.
- Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М., 1982.
- Прист Г. За пределами мысли. М., 2022.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч. : в 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 5–199.
- Рамсей Ф. П. Общие пропозиции и причинность // Рамсей Ф. П. Философские работы. Томск, 2003. С. 183–204.
- Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. М., 1993. Вып. 3. С. 16–38.
- Стяжкин Н. И. Формирование математической логики. М., 1967.
- Фогелин Р. Логика глубокого разногласия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №64. С. 275–285. doi: 10.17223/1998863X/64/27.
- Фреге Г. Запись в понятиях // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000а. С. 65–212.
- Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000б. С. 230–248.
- Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000в. С. 326–343.
- Шалак В. И. Об истоках множественности логик // Философский журнал. 2022. Т. 15, №4. С. 88–97. doi: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97.
- Boghossian P., Williamson T. Blind Reasoning // Proceedings of the Aristotelian Society. 2003. Vol. 77, №1. P. 225–248.

- Byrne R.M. Suppressing valid inferences with conditionals // *Cognition*. 1989. Vol. 31, №1. P. 61–83.
- Conant J. In search of logically alien thought: Descartes, Kant, Frege and the *Tractatus* // *Philosophical Topics*. 1991. Vol. 20, №1. P. 115–180.
- Evans J.St.B.T., Over D.E., Handley S.J. Suppositions, extensionality, and conditionals: A critique of the mental model theory of Johnson-Laird and Byrne (2002) // *Psychological Review*. 2005. Vol. 112, №4. P. 1040–1052. doi: 10.1037/0033-295X.112.4.1040.
- Floridi L. The logic of design as a conceptual logic of information // *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27. P. 495–519. doi: 10.1007/s11023-017-9438-1.
- Frege G. Basic laws of arithmetic / ed. by M. Furth, 1967. Berkeley ; Los Angeles, 1964.
- Gärdenfors P. Belief revisions and the Ramsey test for conditionals // *The Philosophical Review*. 1986. Vol. 95, №1. P. 81–93.
- Geach P.T. Assertion // *The Philosophical Review*. 1965. Vol. 7, №4. P. 445–452.
- Geis M.L., Zwicky A.M. On invited inferences // *Linguistic Inquiry*. 1971. Vol. 2, №4. P. 561–566.
- Geurts B. *Quantity implicatures*. Cambridge, 2010.
- Gigerenzer G., Gaissmaier W. Heuristic decision making // *Annual Review of Psychology*. 2011. Vol. 62. P. 451–482.
- Johnson-Laird P.N., Byrne R.M.J. Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference // *Psychological Review*. 2002. Vol. 109, №4. P. 646–678. doi: 10.1037/0033-295x.109.4.646.
- Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. N. Y., 1999.
- Stalnaker R. Probability and conditionals // *Philosophy of Science*. 1970. Vol. 37, №1. P. 64–80.
- Stilgenbauer J.-L., Baratgin J. Assessing the accuracy of diagnostic probability estimation: Evidence for defeasible modus ponens // *International Journal of Approximate Reasoning*. 2019. Vol. 105, №8. P. 229–240. doi: 10.1016/j.ijar.2018.11.015.
- Wason P.C. Reasoning about a rule // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1968. Vol. 20, №3. P. 273–281.
- Zevakhina N. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli*- and *raz*-conditionals: experimenting with conditional perfection and logical entailment // *Linguistics Vanguard*. 2022. Vol. 8 (s4). P. 401–412. doi: 10.1515/lingvan-2021-0037.

Об авторе

Елена Николаевна Лисанюк, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-0135-4583

E-mail: elisanyuk@hse.ru

Для цитирования:

Лисанюк Е.Н. «Когда бы жизнь домашним кругом» в условных рассуждениях фрегевских безумцев и логических штрафников // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16, №1. С. 125–139. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8.

“WHEN LIFE WAS IN THE HOME CIRCLE”
IN THE CONDITIONAL REASONINGS OF FREGEAN MAD-HUMANS
AND LOGICAL PENALISTS

Elena N. Lisanyuk^{1, 2}

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
20/1 Goncharnaia St., Moscow, 109240, Russia

² National Research University Higher School of Economics,
20 Miasnickaia St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 15.12.2023

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8

We advocate an idea that a necessary condition for a dispute about truth amounts not to the carriers of non-ideal logical thought, but to a variety of approaches to reconstructing the logical form of conditional reasoning, which implies diversification of methods for solving logical tasks. The relevance of the study is conveyed by discussions about logical aliens - fantastical mad-humans, in which Frege embodied his idea of the impossibility of denying the necessary nature of logical laws in the acquisition of truth, in the context of the remarkable diversity of formal logical tools for modeling argumentation and reasoning. Based on modern studies of conditional reasoning, using the example of Onegin's conditional reasoning from a letter to Tatyana, we show that there are different ways of reconstructing it, including competing ones. In the spirit of Frege, we construct the concept of logical penalists - non-ideal thinkers of our "home circle", who, due to their limited intellectual resources, are sometimes content with not the best results in reasoning and who turn out to be the only candidates to participate in a dispute about truth, as such disputes are possible with neither ideal thinkers nor logical aliens. The concept of logical penalists allows us to illustrate the idea that disputes are possible due not to the differences in opinions among humans, but to the variety of ways to justify them.

Keywords: conditionals, laws of logic, Frege's triad, demonstrative, probabilistic and nonmonotonic reasoning, fallacies

References

Bentem, J. van., 2011. Logic and reasoning: how much do facts matter? *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 12, pp. 67 – 84 (in Russ.).

Boghossian, P. and Williamson, T., 2003. Blind Reasoning. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 77 (1), pp. 225 – 248.

Byrne, R.M., 1989. Suppressing valid inferences with conditionals. *Cognition*, 31 (1), pp. 61 – 83.

Conant, J., 1991. In Search of Logically Alien Thought: Descartes, Kant, Frege and the Tractatus. *Philosophical Topics*, 20 (1), pp. 115 – 180.

Dragalina-Chernaya, E.G., 2015. *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme* [Informal notes on the logical form]. St Petersburg (in Russ.).

Evans, J.St.B.T., Over, D.E. and Handley, S.J., 2005. Suppositions, extensionality, and conditionals: A critique of the mental model theory of Johnson-Laird and Byrne (2002). *Psychological Review*, 112 (4), pp. 1040 – 1052, <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.4.1040>.

Floridi, L., 2017. The Logic of Design as a Conceptual Logic of Information. *Minds and Machines*, 27, pp. 495 – 519, <https://doi.org/10.1007/s11023-017-9438-1>.

Fogelin, R., 2021. The Logic of Deep Disagreements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 64, pp. 275–285, <https://doi.org/10.17223/1998863X/64/27> (in Russ.).

Frege, G., 1964. *Basic Laws of Arithmetic*. Berkeley; Los Angeles.

Frege, G., 2000a. Writing in concepts. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 65–212 (in Russ.).

Frege, G., 2000b. About the meaning and significance. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–248 (in Russ.).

Frege, G., 2000c. Thought. Logical research. In: G. Frege, ed. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 326–343 (in Russ.).

Gärdenfors, P., 1986. Belief Revisions and the Ramsey Test for Conditionals. *The Philosophical Review*, 95 (1), pp. 81–93.

Geach, P. T., 1965. Assertion. *The Philosophical Review*, 7 (4), pp. 445–452.

Geis, M. L. and Zwicky, A. M., 1971. On invited inferences. *Linguistic Inquiry*, 2 (4), pp. 561–566.

Geurts, B., 2010. *Quantity implicatures*. Cambridge.

Gigerenzer, G. and Gaissmaier, W., 2011. Heuristic decision making. *Annual Review of Psychology*, 62, pp. 451–482.

Grice, H. P., 1985. Logic and speech communication. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow, pp. 217–237 (in Russ.).

Johnson-Laird, P. N. and Byrne, R. M. J., 2002. Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference. *Psychological Review*, 109 (4), pp. 646–678, <https://doi.org/10.1037/0033-295x.109.4.646>.

Kaneman, D. and Tversky, A., 2020. Judgments in conditions of uncertainty: heuristic methods and errors. In: D. Kaneman, ed. *Dumai medlenno... reshai bistro* [Think slowly... decide quickly]. Moscow, pp. 548–571 (in Russ.).

Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York.

Luria, A. R., 1982. *Etapy proidennogo puti: Nauchnaya avtobiografiya* [The stages of the Journey: A Scientific Autobiography]. Moscow (in Russ.).

Priest, G., 2022. *Za predelami mysli* [Beyond thought]. Moscow (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1962. Eugene Onegin. In: *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Vol. 4. Moscow, pp. 5–199 (in Russ.).

Ramsey, F. P., 2003. General propositions and causality. In: F. P. Ramsey, ed. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Tomsk, pp. 183–204 (in Russ.).

Saimon, G. A., 1993. Rationality as a process and product of thinking. In: *THESIS*, 3. Moscow, pp. 16–38 (in Russ.).

Shalack, V. I., 2022. On the origins of logical pluralism. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 15, 4, pp. 88–97, <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97> (in Russ.).

Stalnaker, R., 1970. Probability and conditionals. *Philosophy of Science*, 37 (1), pp. 64–80.

Stilgenbauer, J.-L. and Baratgin, J., 2019. Assessing the accuracy of diagnostic probability estimation: Evidence for defeasible modus ponens. *International Journal of Approximate Reasoning*, 105 (8), pp. 229–240, <https://doi.org/10.1016/j.ijar.2018.11.015>.

Styazhkin, N. I., 1967. *Formirovanie matematicheskoi logiki* [Formation of mathematical logic]. Moscow (in Russ.).

Wason, P. C., 1968. Reasoning about a rule. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 20 (3), pp. 273–281.

Wittgenstein, L., 1994. Philosophical research. In: L. Wittgenstein, ed. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Part 1. Moscow (in Russ.).

Wittgenstein, L., 2005. A logical and philosophical treatise. In: L. Wittgenstein, ed. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Translated by V. Rudnev. Moscow, pp. 14 – 228 (in Russ.).

Zevakhina, N., 2022. Veridicality and the cause-effect relation in Russian *esli-* and *raz-*conditionals: experimenting with conditional perfection and logical entailment. *Linguistics Vanguard*, 8 (s4), pp. 401 – 412, <https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0037>.

Zolyan, S. T., 2023. Pragmatics as a Self-Generation of a Subject-on-Its Own. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 93 – 103, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103> (in Russ.).

The author

Prof. Elena N. Lisanyuk, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-0135-4583

E-mail: elisanyuk@hse.ru

To cite this article:

Lisanyuk E. N., 2025, “When life was in the home circle” in the conditional reasonings of Fregean mad-humans and logical penalists, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 125 – 139. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))